

А. П. Володин

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

О КАТЕГОРИИ РОДА В ЯЗЫКАХ СИБИРИ

Раздел 1

1.1

Категория рода характеризуется как (а) классифицирующая, (б) согласовательная. Вместе с тем, многие считают ее одной из «наиболее загадочных» категорий — с этого утверждения начинается книга Г. Корбетта “Gender” [Corbett 1991: 1]. Далее сообщается, что в одних языках категория рода является «центральной и всепроникающей», в других же она отсутствует напрочь [там же]. У других авторов встречаются утверждения, что категория рода «иррациональная», «палеонтологическая» (нечто вроде рудимента хвоста) и т. д. По моему мнению, категория рода является *обязательной* для языковой системы, поскольку человека окружают предметы как минимум двух принципиально различных классов: живые (одушевленные) и неживые (неодушевленные). Уж это-то противопоставление должно находить свое выражение в языковой системе. Затем, живые делятся на «разумные/неразумные» (человек/животное), а дальнейшее членение дает противопоставления: «мужчина/женщина», «самец/самка». Что касается класса «неживой», то здесь естественно ожидать противопоставления «естественные/искусственные (артефакты)». Все семантические группировки, получаемые в результате этой классификации, теоретически должны иметь и специальную маркировку. Поскольку речь идет о предметах, то в языке эту маркировку должны получать словоформы предметно-вещественной семантики, т. е. имена (существительные). Эта их маркировка есть выражение классифицирующей функции категории рода. Что касается согласовательной функции, то, в зависимости от характера языка, она будет выражаться в разного рода синтагмах: сочетания атрибутивного типа (существительное+ прилагательное) или предикативного типа (существительное+ глагол).

1.2

Наряду с категорией рода известна категория *именных классов*, которую ввели в научных обиход специалисты по африканским языкам; кроме того, термин «именные классы» характерен для описаний многих языков североамериканских индейцев, языков Кавказа (нахско-дагестанские), Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании. В. А. Виноградов совершенно справедливо пишет об именных классах, что они «вместе с категорией *рода* образуют более общую категорию *согласовательных классов*» [Виноградов 1990: 173, выделено автором. — *А. В.*]. Ниже замечено, что именные классы «отличаются от рода *иными основаниями* классификации» [там же, выделено мною. — *А. В.*], но следует иметь в виду, что классифицируются *одни и те же* противопоставления, ср. выше, 1.1: живые/неживые, разумные/неразумные, мужчины/женщины, самцы/самки и т. д. В одних языках все вышеперечисленные пары могут получать специальную маркировку, в других они будут сведены к противопоставлению «мужчина/женщина» (мужской/женский род), а может быть реализовано противопоставление «человек / нечеловек», предполагающее не только «разумный/неразумный», но и «разумный/живой (человек) // все остальное (неразумный/неживой)». Наконец, среди класса «неживые» (естественные/артефакты) могут выделяться и получать специальную маркировку предметы разного качества — длинные, короткие, круглые, шарообразные, твердые (прочные), хрупкие, парные и т. д. с любой степенью детализации. В итоге количество именных классов в разных языках может достигать до нескольких десятков (свыше 40, но это лишь эмпирический, а не теоретический максимум). С другой стороны, в языках, где есть категория *рода* (прежде всего — это индоевропейские языки), количество членов парадигмы этой категории обычно равно трём: мужской, женский (противопоставление «мужчина/женщина») и «средний» (предположительно, первичное противопоставление «живой/неживой»). В языке бурушаски родовая парадигма состоит из четырёх членов: помимо мужского и женского рода (противопоставление «разумные/неразумные» здесь игнорировано), специально выделяется формальная группировка, маркирующая растения и их плоды. Это представляется в высшей степени логичным, поскольку растения — *живые*, только не способны двигаться, а их плоды употребляются в пищу, так же, как и мясо животных

(способны двигаться, но неразумные). Четвёртый «род» противопоставляется трём вышеназванным как «неживые предметы». В описаниях этого языка принято говорить о категории *класса*, например [Эдельман 1997: 208 сл.].

1.3

Если определять грамматическую категорию вообще как *противопоставление*, то в случае с родом и (именным) классом речь идет об одной категории, только называемой по-разному. Г. Корбетт предлагает называть ее родом (gender). Я всецело разделяю его мнение, поэтому всюду говорю «род». Возможно, термин «(именные) классы» является более адекватным для характеристики этой грамматической категории с типологической точки зрения; в этом случае следовало бы отказаться от термина «род» и говорить «класс» применительно к любому языку. Но индоевропейцы, я уверен, никогда с этим не согласятся.

1.4

Наконец, нельзя не упомянуть о языках, в которых категории рода нет. К их числу относится подавляющее большинство аборигенных языков Сибири — уральские, тюркские, тунгусо-маньчжурские, монгольские, эскалеутские, а также корейский и японский. Все они характеризуются линейной моделью словоформы типа $R+(m)$ — фиксированная позиция корня (левая терминальная); подобная модель определяется как «односторонняя агглютинация» или «агглютинация алтайского типа» [Володин 2001: 131]. На территории Америки (как Северной, так и Южной) аборигенные языки характеризуются линейной моделью словоформы типа $(m)+R+(m)$ — нефиксированная позиция корня, «агглютинация американского типа или двусторонняя». Среди этих языков обращает на себя внимание язык кечуа (Колумбия, Перу, Эквадор, Боливия), для которого характерна линейная модель словоформы типа $R+(m)$; в нем категории рода тоже нет, как и в вышеупомянутых языках Сибири. Отсюда напрашивается следующая импликация: *если в языке нет категории рода — он имеет линейную модель словоформы $R+(m)$, обратное также верно*. При этом нельзя сказать, что в этих языках вообще нет никаких противопоставлений, формирующих категорию рода — они манифестируются в выражении вопроса. Во всех вышеперечисленных языках выделяются как минимум два

вопросительных местоимения, *кто* и *что*, которые выражают противопоставления типа «живой/неживой» или «человек/не-человек». Таким образом, утверждения, что в данных языках категории рода нет, вряд ли можно рассматривать как абсолютно адекватные.

Но если даже считать их адекватными, то следует указать на исключение — дравидийские языки (тамильский, телугу, каннада, малаялам и др., общее число носителей — ок. двухсот млн. человек). Н. В. Гуров пишет о них: «Преобладающий тип морфемной связи — суффиксальная агглютинация (префиксация отсутствует)» [Гуров 1990: 139], иными словами, линейная модель словоформы — $R+(m)$. Далее читаем: «Имя характеризуется грамматич. категориями числа $\langle \dots \rangle$ рода, падежа [там же, выделено мною. — А. В.]. Из дальнейшего изложения явствует, что это несомненная категория рода, построенная именно на тех противопоставлениях, которые перечислены выше, см. 1.1. Итак, сформулированная нами эмпирическая импликация, во всяком случае универсалией не является¹.

Раздел 2

2.1

Если линейная модель словоформы характеризуется нефиксированной позицией корня (т. е. возможны префиксы) — категория рода может быть представлена в языке такого типа либо в явной, либо в скрытой форме. Индоевропейские языки характеризуются именно такой линейной моделью. Необходимо уточнить, что это — *флективные* языки, что предполагает наличие в линейной модели двух обязательных элементов: R(корень) и F(флексия или окончание). Таким образом, линейная модель индоевропейской словоформы имеет вид $(m)+R+(m)+F+(m)$, см. [Володин 2007: 52]. Категория рода (Genus) была выделена именно в результате изучения

¹ Возникает сильное желание разобраться: почему такая ситуация наблюдается в дравидийских языках, но это — не наша тема. Все же выскажу предположение, что категория рода могла сформироваться вследствие контактных влияний индоарийских языков, тем более что дравидийские языки имеют достаточно длительную письменную традицию. В этой же статье Н. В. Гурова упоминаются некоторые малочисленные дравидийские языки, в которых *категории рода нет*, при этом отмечено, что они бесписьменные.

и описания индоевропейских языков². Именно для этих языков категория рода характеризуется как «иррациональная», ср. выше 1.1. В самом деле, почему, например, в русском языке *потолок* — мужского рода, *стена* — женского рода, а *окно* — среднего рода? Все три относятся к группировке артефактов, следовательно, должны бы маркироваться одинаково. С другой стороны, почему русск. *дом* — мужского рода, франц. *la maison* — женского, а немецк. *das Haus* — среднего? Г. Корбетт объясняет это тем, что категория рода в индоевропейских языках — *формальная*, ее семантическое ядро было размыто в результате эволюции системы. Индоевропейские языки движутся к аналитизму; английский, ушедший в этом направлении дальше других, практически уже утратил категорию рода. Последнее, что осталось в английском — это так наз. «анафорический род»: *he, she — it* [Corbett 1991: 32].

2.2

В русском языке сохраняется сравнительно богатая морфология, и согласовательный характер категории рода прослеживается весьма наглядно, например:

- (1а) *больш-ой/маленьк-ий* (*мальчик/дом* и т. д.) — мужской род
- (1б) *больш-ая/маленьк-ая* (*девочка/книга* и т. д.) — женский род
- (1в) *больш-ое/маленьк-ое* (*поле/окно* и т. д.) — средний род

В этих синтагмах наблюдается ярко выраженное согласование: мужской род имеет нулевую маркировку (существительные оканчиваются на согласный), женский род имеет маркировку *-а*, средний *-о/-е*. Ср. также словосочетания *он-Ø* (*этот*) *был-Ø* — *он-а* (*эта*) *был-а* — *он-о* (*это*) *был-о*. В данном случае наблюдается морфологический механизм агглютинативного типа. Особенно отчетливо проявляется он в глагольных формах прошедшего времени: (*Мальчик*) *чита-л-Ø* — (*Девочка*) *чита-л-а* — (*Общество*) *чита-л-о*, где выделяются показатели

² Кстати об исключениях. В армянском языке, который относится к индоевропейским, категории рода нет, о чем прямо заявляется в описаниях. Например: «Грамматический род в современном (армянском — А. В.) языке *исчез*» [Туманян 1966: 567, выделено мною. — А. В.]. Отсюда следует, что раньше он все таки существовал.

-л (время) и -Ø/-а/-о (род)³. В русском языке род маркировался еще и во множественном числе, ср. пушкинские строки:

- (2) *и завидуют **оне**
государевой жене.*

Но уже и во времена Пушкина словоформа *оне* (множ. число жен. рода) была архаизмом. Увы, грамматическая система русского языка в ходе своей эволюции склонна «избавляться от излишних красот».

Формальный характер категории рода в русском языке (как представителе индоевропейской семьи) выражается в маркировке -Ø/-а/-о ~ (-е), первоначально соответствовавшей мужскому, женскому и среднему родам: *муж-Ø — жен-а — чаd-о* (т. е. ‘ребенок, младенец’, ср. немецк. *das Kind*, тоже средний род). Специальной маркировки не получают в этой системе неживые предметы; имена, обозначающие их, квалифицируются по роду фактически произвольно, здесь связь семантики и формы отсутствует (либо ее и не было, не могу судить, ибо я не индоевропеист).

Раздел 3

3.1

Обратимся наконец к теме, заявленной в названии статьи, а именно: категория рода в языках Сибири. Собственно, об этом уже было сказано (1.4.): в подавляющем большинстве этих языков категории рода нет. Но помимо вышеназванных на территории Сибири известны еще так наз. *палеоазиатские* языки. Для этих языков характерна линейная модель словоформы типа (m)+R+(m) [Володин 2001]; следовательно, наличие категории рода ожидаемо, ср. выше, 2.1. Действительно, эта категория обнаруживается в кетском языке — это единственный язык на территории Сибири, где есть род. Не могу не добавить с глубоким сожалением, что

³ Разумеется, эти морфологические сегменты маркируют не только род: в соответствии с требованиями системы, это — *флексии*, представляющие в данном случае «сплав» рода, числа (единственное) и падежа (номинатив). Не случайно в формах других падежей мы не находим экспоненциальных следов этих показателей, хотя «сплав» род-число-падеж сохраняется по всей парадигме.

кетский — также единственный (еще) живой язык енисейской семьи, которая в XVIII веке включала в свой состав 6 языков.

Интересующая нас категория по своему характеру относится не к формальным, а к семантическим категориям [Corbett 1991]; собственно, именно это и составляет разницу в основании для классификации, о чем говорит В. А. Виноградов, ср. выше, 1.2. Отсюда и разные наименования этой категории в разных описаниях кетского языка. К. Доннер и А. П. Дульзон говорят о *роде*, Е. А. Крейнович, Г. К. Вернер, Г. Т. Поленова — о классе; посвященная этой категории монография Вернера так и называется: «Классная система в енисейских языках» [Werner 1994]. Я предпочитаю термин «род», как уже было сказано; им и буду пользоваться, тем более что в кетском различается всего три рода: мужской, женский и вещный.

3.2

Семантический характер категории рода в кетском проявляется в том, что имена в своей исходной, «словарной» форме не имеют никаких маркеров, как мы наблюдаем в индоевропейских языках (ср. данные русского языка в 2.2). Сопоставим кетск. *ор* ‘отец’ (муж. род), *ам* ‘мать’ (жен. род), а также личное местоимение 3 л.: *бу* ‘он, она’. Различие по роду отчетливо маркируется в косвенных падежах:

- (3а) *ob-d-a-ŋt* ‘у отца’ *am-d-i-ŋt* ‘у матери’
 (3б) *ob-d-a-ŋal* ‘от отца’ *am-d-i-ŋal* ‘от матери’
 (3в) *ob-d-a-ta* ‘для отца’ *am-d-i-ta* ‘для матери’

То же обнаруживают местоименные формы:

- (4) *bu-d-a-ŋt* ‘у него’, *bu-d-i-ŋt* ‘у нее’, *bu-d-a-ta* ‘для него’,
bu-d-i-ta ‘для нее’, и т. д.

Все эти словоформы демонстрируют, можно сказать, классический агглютинативный механизм; линейный состав: корень — число (*-d*, ед.) — род (*-a* муж., *-i* жен.) — падеж (показатели стандартные). Оппозиция «мужской/женский» предполагает деление в рамках класса «живой»; ей противопоставляется класс «неживой» (вещный род). В падежных формах этот род маркируется тем же суффиксом *-i*, что и женский (напр., *quis* ‘-d-i-ta’ ‘для чума’), но деление имён на «живые/неживые» (причем «неживых» — ок. 90%)

осуществляется на семантических основаниях. Е. А. Крейнович полагал, что для деления имен на «классы» были существенны следующие признаки 1) активность денотата, 2) его социальная значимость, 3) его размеры, 4) одушевленность, 5) целостность [Крейнович 1968]. При этом, оппозиции «живой/неживой», «мужской/женский» перекрещиваются, а класс «женский» отнюдь не совпадает с классом «неживой».

Имена, относящиеся к тому или иному роду, кетологи обычно дают списками, они есть у Е. А. Крейновича и Г. К. Вернера; последняя публикация, где приведен подобный материал — это [Поленова 2011]. Например, к мужскому роду относятся наименования предметов из класса «неживой»: жерди для установки каркаса чума и тому подобные, социально значимые вещи [Поленова 2011: 27]. Что касается растений (которые в языке бурушаски выделяются в отдельный класс, ср. выше, 1.2), то, входя в класс «живые», они, в зависимости от размера, относятся либо к мужскому роду (*oks* ‘дерево’, *xaj* ‘кедр’, *ej* ‘сосна’, и т. д.), либо к женскому роду (*qo* ‘сарана’, *bol’ba* ‘гриб’ и т. д.). Интересно, что к классу живых относится и слово ‘огонь’ (что впрочем, ожидаемо). В кетском ‘огонь’ женского рода. Ср. следующий пример: *boʔk aʔk dər* ‘дрова горят’, букв. ‘огонь дерево она-ест’. Последнее явствует из сопоставления глагольных словоформ: *di-p* ‘я-ем’, *du-p* ‘он-ест’, *də-p* ‘она-ест’, ср. ниже, 3.3, примеры (6, 8).

3.3

Противопоставления «живой/неживой» и «мужской/женский» отмечаются и в кетских вопросительных местоимениях: *bits’e* ‘кто (муж.)’ / *bes’a* ‘кто (жен.)’ — *aks* ‘что (неживое, вещный род)’⁴. Три материально различных родовых показателя отмечаются и в глаголах, точнее, в предикативных формах, в отличие от имен, где противопоставлены мужской (-a) и женский/вещный (-i). Таким образом, в личном спряжении в единственном числе различаются пять форм, ср. предикативные формы «прилагательного» *aqta* ‘хороший’:

⁴ Кроме того, существует и местоимение *an’a* ‘кто’ независимо от половой принадлежности, таким образом, пара *an’a* ~ *aks* противопоставлена по признаку «одушевленный/неодушевленный».

- (5) *aqta-di* ‘хороший-я’, *aqta-yu* ‘хороший-ты’, *aqta-du* ‘хороший-он’,
aqta-da ‘хорошая-она’, *aqta-m* ‘хорошее-это’

Когда речь идет о глаголе, количество личных форм уменьшается до четырёх, поскольку в 3-м лице различаются только ‘он/она’:

- (6) *di-yaraq* ‘я-живу’, *qu-yaraq* ‘ты-живешь’, *du-yaraq* ‘он-живет’,
da-yaraq ‘она-живет’

Морфологический сегмент *m-/b-/p-/v-*, служащий показателем вещного рода, в личных формах моноперсонального глагола отмечается весьма редко — только в тех случаях, когда речь идет о состояниях, в которых может пребывать и неодушевленный предмет, относящийся к вещному классу. Ярким примером для данного случая является глагол *aq* ‘гнить’. В словарях указывается, что формы 1 и 2 л. для этого глагола неупотребительны; зато в приводимой форме 3 л. показатель вещного рода выступает в редуцированном варианте: *bimb-aq* ‘это-гниет’ (нечто неживое). Приводится и форма 3 л. муж. рода *du-j-aq* ‘он-гниет’ (речь не обязательно идет о человеке — это может быть и какое-либо дерево, которое относится к мужскому роду, ср. выше, 3.2).

В парадигме биперсонального глагола маркер вещного рода регулярно присутствует в ряду показателей пациенса (объекта), что также совершенно логично, поскольку агенс может воздействовать не только на него/нее, но и на нечто (неживое). Ср. несколько словоформ глагола *tar* ‘бить’:

- (7) *di-yu-tet* ‘я-тебя-бью’, *di-ya-tet* ‘я-его-бью’, *di-i-tet* ‘я-ее-бью’⁵,
di-p-tet, вар. *di-vi-tet* ‘я-это-бью’.

Ср. также:

- (8) *ku-p-tet* ‘ты-это-бьешь’, *du-p-tet* ‘он-это-бьет’, *da-p-tet* ‘она-это-бьет’ — все формы парадигматически регулярны.

3.4

Во множественном числе различие по роду игнорируется, ср. *ob-n-a-ta* ‘для-отцов’, *am-n-a-ta* ‘для-матерей’ — здесь представлен показатель мн. числа *-n*, род же маркирован мужским *-a* в обоих

⁵ Обращаю внимание на суффиксы *-(y)a* (муж. род), *-i* (жен. род), ср. 2.2, примеры (3, 4).

случаях. Кетологи считают, что для имен в единственном числе *-a* маркирует мужской род, *-i* — женский и вещный род, а во множественном числе наблюдается противопоставление «одушевленный/неодушевленный», «живой/неживой» — те же суффиксы *-a/-i* соответственно [Поленова 2011: 29, табл. 1]. Вообще, категории лица (рода) и числа в кетском существуют как бы автономно друг от друга. Личные местоимения множественного числа маркированы регулярным показателем *-n/-ŋ*: *at* ‘я’ ~ *ət-n* ‘мы’, *uk* ‘ты’ ~ *ək-ŋ* ‘вы’, *bu* ‘он/она’ ~ *bu-ŋ* ‘они’. Множественное число субъекта (у моноперсональных глаголов) и агенса (у биперсональных глаголов) маркируются показателем *-in/-in*, занимающим правую терминальную позицию в словоформе: *di-ɣaraɣ-in* ‘мы-живем’, *ku-ɣaraɣ-in* ‘вы-живете’, ср. выше, пример (6), а также: *di-ɣu-teɣ-in* ‘мы-тебя-бьем’, *ku-p-teɣ-in* ‘вы-это-бьете’, *du-p-teɣ-in* ‘они-это-бьют’ (различие по роду снято, ср. примеры (7, 8)). Алломорфы множественного числа *-n/-ŋ* Вернер связывает с наличием в кетском языке (в прошлом) оппозиции «множественность: коллективность (или собирательность)» — она выражалась показателем *-n*, если речь шла об однородных одушевленных предметах; в остальных случаях употреблялись собирательные формы с показателем *-ŋ*. Этим объясняется то, что форму на *-ŋ* принимают и имена класса «живой»: так, слово *kɛʔ* ‘человек’ имело форму мн. числа *kʌʔŋ*⁶ и собирательную *dʲeʔŋ*, которая в современном кетском языке означает ‘люди’, а форма *kʌʔ* сузила свое значение до ‘дети (одной матери)’ [Werner 1994: 51].

3.5

В системе спряжения глагола различаются личные аффиксы двух рядов (или серий), обозначаемые как Д и Б. Выше (примеры (6), (8)) были представлены глаголы серии Д. Существование этих двух серий связано с противопоставлением «активный/инактивный», недаром же морфологический сегмент *b-* (и его алломорфы) служит показателем вещного рода, см. выше, 3.3. Существование этих двух

⁶ Обращаю внимание читателя: здесь мы наблюдаем *внутреннюю флексию*, хорошо знакомую нам по индоевропейским языкам. Случай в кетском отнюдь не единственный, ср. *tip* — *tap* ‘собака’, *sʲes* — *sʲas* ‘река’, ед. — мн. Это не является предметом данной статьи, но входит в предмет данного сборника: *raritetɬy*; для языков Сибири явление внутренней флексии — вещь во всяком случае редкая.

серий связывается с тем, что диахронически кетский язык был языком активной типологии, и показатели серии Б оформляли глаголы «инактивные», напр.:

- (9) *ba-yissal* ‘я-ночую’, *a-yissal* ‘он-ночает’, *i-yissal* ‘она-ночает’ — в 3 л. выступают уже известные нам показатели мужского и женского рода.

В современном языке это правило уже не выдерживается: по «серии Б» спрягаются и глаголы, означающие вполне активные действия, напр.:

- (10) *bo-yotn* ‘я-иду’, *o-yotn* ‘он-идет’, *u-yotn* ‘она-идет’.

Показатели мужского и женского рода в данном случае материально иные. Кроме того, надо подчеркнуть, что аффиксы серии Б, как видно из примеров (9)–(10), могут функционировать в роли субъекта (состояния или действия), но никогда не выступают в роли агенса, при этом роль пациенса для них не запрещена.

3.6

По единодушному мнению кетологов, категория рода «класса» восходит к древнейшему состоянию языковой системы, которая характерна для языка *классной* типологии. Следующим этапом эволюции был переход к активному строю, завершившийся в настоящее время переходом к нейтральному строю (термин предложен А. Е. Кибриком для языков, в которых агенс и пациенс выражаются одной падежной формой): Противопоставления по роду сохраняются как у имен, так и у глаголов: *-a* — мужской род, *-i* — женский род. Показатель вещного рода наиболее отчетливо фиксируется в глагольной системе — суффикс *b-/m-* и его алломорфы. Согласование по роду существительных и прилагательных (в роли определения), характерное для индоевропейской категории рода (ср. выше, 2.2) в кетском языке отсутствует. Эта проблема рассматривается, в частности, в работе [Крюкова 2005].

В настоящее время Г. К. Вернер и Э. Вайда исследуют возможные древние генетические связи енисейских и североамериканских (алгонкинских) языков. Работы находятся в начальной стадии, но сулят в высшей степени интересные результаты, в том числе и в сфере категории рода (класса). Высказанная А. П. Дульзоном гипотеза о структурных связях енисейских языков и бурушаски (см. [Дульзон 1968])

пока, к сожалению, не нашла дальнейших исследователей, а между тем, на мой взгляд, можно ставить вопрос об их генетическом единстве, см. [Володин 2001: 136–137].

Раздел 4

4.1

«В скрытой форме» рассматриваемая здесь категория рода может быть усмотрена в других палеоазиатских языках, в частности, в языках чукотско-камчатского ареала. Чукотско-камчатские языки представлены группой генетически связанных чукотско-корякских языков (чукотский, корякский, алюторский, керекский) и изолированным ительменским языком, элементы общности которого с первыми являются результатом контактных влияний.

4.2

В чукотско-корякских языках выделяется категория определенности/неопределенности. Вернее, в описании чукотского [Скорик 1961] ее нет, а в описании корякского читаем: «*Категория определенности/неопределенности* сопряжена в корякском языке с различием человек/не-человек (лицо/не-лицо)» [Жукова 1972: 97, выделено автором. — *А. В.*]. Те же (материально совпадающие) факты в описании чукотского трактуются как формы выражения числа. Речь идет о суффиксах, которые маркируют не просто единственное и множественное число, а еще и определенность: *-ne/-na* (маркирует определенность и единственное число в эргативе), *-rak/-ri*⁷ (маркирует определенность и множественное число во всех падежах, кроме абсолютива).

Число в сфере неопределенности имеет следующие формы: ∅ (и некоторые нестандартные показатели) ед. число ~ *-t* мн. число⁸. Суффикс *-t* маркирует как именные (чук. *tumʔa-t* ‘друзья, товарищи’), так и глагольные словоформы (*ʃejwə-rkə-t* ‘они-идут’, *tə-ʃʉ-ne-t* ‘я-увидел-их’). В линейной цепочке словоформы показатели

⁷ В корякских языках *-jak* (маркирует определенность и двойственное число во всех падежах, кроме абсолютива).

⁸ В корякском, алюторском и керекском языках *-t* является показателем *двойственного* числа; множественное число маркируется морфемами, которых в чукотском нет. Существует мнение, что система числа в «корякских языках» возникла вследствие иноязычного влияния.

числа для определенности/неопределенности занимают разные позиции и в одной словоформе они несовместимы.

Вышеприведенные показатели числа в сфере определенности обнаруживаются у личных местоимений, ср. данные чукотского:

- (11) *γəm* ‘я’ *muri* ‘мы’
γət ‘ты’ *turi* ‘вы’
ətʃon ‘он’ *ətri* ‘они’

Морфологический сегмент *-ri* никогда раньше не выделялся как показатель множественного числа (в корякских языках, повторяю, он маркирует дв. число: *-ri/-ji*, но это принципиального значения не имеет). Он же фиксируется и в формах «первопадежа» (диахронически самого древнего): *mo-rə-k* ‘наш, у нас’, *to-rə-k* ‘ваш, у вас’, *ə-rə-k* ‘их, у них’ — и затем в формах эргативного падежа личных местоимений: *mo-rγə-nan* (< *morək-nan*) ‘мы’, *to-rγə-nan* ‘вы’ и т. д. [Богораз 1937: 27]. Суффикс *-rγə* (коряк. *-çγə*) маркирует здесь мн. число в сфере определенности; в формах ед. числа — нулевой показатель: *γəm-nan* ‘я’, *γə-nan* ‘ты’, *ə-nan* ‘он’ (эргативный падеж, показатель стандартный). Морфологические сегменты *-na* и *-rək* (коряк. *-jək*) функционируют также как показатели эргативного падежа единственного и множественного числа в сфере определенности у имен, напр., чук.::

- (12a) *Dawʔelʔo-na* *ine-neγʔek-wʔi*
 тетя-ERG INV-будить-PFV
 ‘тётка (родная) меня разбудила’

- (12б) *Dawʔelʔo-rək* *ne-neγʔew-γəm*
 тетя-ERG.PL INV-будить-1SG.P
 ‘тётки (родные) разбудили меня’

Эргативный падеж для сферы неопределенности совмещен с показателем инструменталиса. По числу он (как и все косвенные падежи в этой сфере) не различается, число опознается из контекста:

- (13a) *Tuty-e* *kejγə-n* *təm-nen*
 товарищ-ERG медведь-ABS убивать-3SG.P
 ‘Товарищ медведя убил-он-его’.

- (136) *Tumy-e* *kejŋə-n* *ne-nmə-n*
товарищ-ERG медведь-ABS INV-убивать-3SG.P
‘Товарищи медведя они-убили-его’.

В случае употребления эргатива сферы определенности в (136) мы увидим словоформу *tumə-rək* ‘товарищи (известные мне)’.

Воздерживаясь от подробностей (которые могли бы украсить изложение, но не уточнить), констатируем, что в качестве «скрытой» категории в чукотско-корякских языках можно назвать категорию рода, которая реализуется в противопоставлении «человек/не-человек», ибо имена, означающие не-человека, входящих в сферу определенности форм не принимают никогда. Это касается и животных, в противном случае нужно было бы говорить о противопоставлении «одушевленный/неодушевленный». Впрочем имена собственные (клички) поднимают животных до уровня «человек», ср. следующие варианты употребления вопросительных местоимений *meŋin* ‘кто’ / *rʔenut* ‘что’ (чук.):

- (14) *ʔəttʔə-n* *ŋət-γʔi*. — *Məŋin?* — *Wutəl*.
собака-ABS.SG срываться-PFV кто Вутыл
‘Собака сорвалась (с привязи) — Кто? — Вутыл’. (в данном случае собеседники хорошо знают своих собак по именам).
- (15) *Req-ʔəttʔə-n* *ŋət-γʔi?* — *N-i/γə-qin*.
что.за-собака-ABS.SG срываться-PFV ADJ-белый-3SG
‘Что за собака сорвалась? — Белая’.

В (15) спрашивающий не видит, но слышит, что собака сорвалась, и квалифицирует ее как неопределенную, не имеющую собственного имени. Вопросительное местоимение *rʔenut* ‘что’ здесь инкорпорировано в именную словоформу *ʔəttʔən* ‘собака’.

В чукотско-корякских языках относящееся к категории рода противопоставление «человек/не-человек» тесно связано с противопоставлением «определенный/неопределенный», что и затрудняет его квалификацию как проявление интересующей нас категории. Кроме того, квалификации данного противопоставления как категории рода препятствует отсутствие каких-либо согласовательных механизмов, ср. выше, 1.1.

4.3

4.3.1. В ительменском языке, помимо различия вопросительных местоимений *k'e* 'кто' и *əŋqa* 'что' (по-видимому, это является универсалией, ср. выше, 1.4), выделяется группировка словоформ, которые маркированы показателем *-l̥x* — все они означают исключительно *живые существа*, но без противопоставления «человек/не-человек». В настоящее время эта группировка формально размыта: в «первозданном» виде от нее осталось только два слова: *ɕ'amzan' l̥x* 'человек' и *ʔ'i l̥x* 'гость'. При сочетании с показателем мн. числа суффикс *-l̥x* фонетически преобразуется: *ɕ'amzan-la-ŋn* 'люди' и *ʔ'i-la-ŋn* 'гости'. Нужно отметить, что слова, означающие человека и некоторых представителей фауны, сохраняют показатель *-l̥x*, вар. *-l̥x* и его рефлекс *-x/-x̣/-l̥*: *i̯x l̥x* 'мужчина' (мн. *i̯x l̥xe-ŋn*), *ip l̥x* 'друг, товарищ' (мн. *p l̥xa-ŋn*), *ʔqlaq-l̥x* 'ворон' (мн. *ʔqlaq l̥xa-ŋn*); ср. также *isx* 'отец', *la x̣sx* 'мать', *minsx* 'женщина', *mitx* 'дед/бабка', *sillatumx* 'брат', *lilix l̥* 'сестра', *lufsx* 'племянник'. Можно также отметить *klam l̥* (диал. вар. *klam l̥x*) 'муха', *wəqa ʔŋt l̥* 'старый медведь', *ʔqosx* 'собака'; к этой же формальной группировке относится и *xim l̥x* 'огонь' (мн. *xim l̥xe-ŋn* 'огни, костры').

4.3.2. Наряду с этим в глагольной системе выделяется так наз. II инфинитив с показателем *-ki l̥x/-ka l̥x*, определяемый как «чужое очевидное действие» [Володин 1976: 288 сл]. Этот показатель членится: *-ki l̥x* — морфологический сегмент *-k(i)* маркирует принадлежность словоформы к классу глагола. Современное употребление II инфинитива в сочетании с вышеупомянутыми именами на *-l̥x* демонстрирует полное согласование:

(16a) *Tə l̥ɕkus-ɕen ʔt'i-l̥x ʔŋik l̥-kil̥x* 'я-вижу-его (что) гость спит'

(16б) *Tə l̥ɕkus-ɕe ŋn ʔt'i-la-ŋn ʔŋik l̥-kil̥a-ŋn* 'я-вижу-их (что) гости спят'

В формах II инфинитива варианты *-l̥x* (ед. ч.) ~ *-la ŋn* (мн. ч.) регулярны. Напрашивается предположение, что на ранних этапах формирования грамматической системы ительменского языка синтагмы типа *ɕ'amzan' l̥x sun l̥-kil̥x* / *ɕ'amzan-la-ŋn sun l̥-kil̥a-ŋn* трактовались как 'человек живет / люди живут', но данные современного языка этого не подтверждают. Формы на *-ki l̥x/-ka l̥x* легко номинализируются, что отмечал еще В. Г. Богораз: формы типа *nu-kil̥x* 'едок' (от *no-kas* 'есть') и *wetat-kil̥x* 'работник' (от *wetat-kas* 'работать') отмечаются уже в его материалах (более чем столетней давности).

В наших материалах 60–80-х годов XX века подобные формы очень широко представлены, напр.: *anse ʔ-kilʃ* (мн. *anse ʔ-kila ʔn*) ‘учащийся, ученик’, *aneɕpa ʔ-kilʃ* ‘учитель’, *ʔale-kaʃ* ‘животное’ (букв. ‘тот кто ходит’, от *ʔale-kas* ‘ходить’) и т. д., вплоть до *ʔasaka ʔ-kaʃ* ‘сборщик налогов, мытарь’ (от *ʔasaka ʔ-kas* ‘собирать ясак’) — слово понадобилось при переводе Евангелия.

Итак, можно констатировать, что в ительменском выделяется класс «живых/активных» (маркированные), противопоставляемый классу «неживые/неактивные» (немаркированные). Он обладает и согласовательными характеристиками (имя+глагол), которые необходимы для категории рода. При этом глагольные словоформы (на *-kiʃ*) сохранились в современном языке практически целиком (в функции «чужое очевидное действие»), в то время как именные (на *-ʔ*) подверглись почти полному разложению. Это лишний раз доказывает, что при разрушении живого языка (а ительменский, к сожалению, пребывает именно в таком состоянии) самое стойкое сопротивление оказывает глагол. Мне уже приходилось писать об этом [Володин 1994].

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ABS — абсолютив; ADJ — адъективизатор; ERG — эргатив; INV — инверсив; P — Пациенс; PFV — перфектив; PL — множественное число; SG — единственное число.

Литература

- Богораз 1937 — В. Г. Богораз. Луораветланско-русский (чукотско-русский) словарь. М.–Л.: Глав. уч.-пед. изд-во, 1937.
- Виноградов 1990 — В. А. Виноградов. Именные классы // В. Н. Ярцева (ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 173–174.
- Володин 1976 — А. П. Володин. Ительменский язык. Л.: Наука, 1976.
- Володин 1994 — А. П. Володин. О влиянии русского языка на ительменский // Russian Linguistics. №18. 1994. С. 323–340.
- Володин 2001 — А. П. Володин. Мысли о палеоазиатской проблеме // Вопросы языкознания. N4. 2001. С. 129–141.
- Володин 2007 — А. П. Володин. Эссе об инкорпорации // Acta Linguistica Petropolitana. Т. III. Ч. I. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 50–60.

- Гуров 1990 — Н. В. Гуров. Дравидийские языки // В. Н. Ярцева (ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 139–140.
- Дульзон 1968 — А. П. Дульзон. Кетский язык. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1968.
- Жукова 1972 — А. Н. Жукова. Грамматика корякского языка. Л.: Наука, 1972.
- Крейнович 1968 — Е. А. Крейнович. Глагол кетского языка. Л.: Наука, 1968.
- Крюкова 2005 — Е. А. Крюкова. Класс слов-определителей в енисейских языках (сопоставительный анализ на материале кетского, югского, коттского языков). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. ТГПУ, Томск, 2005.
- Поленова 2011 — Г. Т. Поленова. В поисках истоков языка (Юбилейный сборник избранных трудов). Таганрог: ТГПИ им. А. П. Чехова, 2011.
- Скорик 1961 — П. Я. Скорик. Грамматика чукотского языка. Ч. I. Фонетика и морфология именных частей речи. М.–Л.: Наука, 1961.
- Туманян 1966 — Э. Г. Туманян. Армянский язык // Языки народов СССР. Т. I. Индоевропейские языки. М.: Наука, 1966. С. 562–598.
- Эдельман 1997 — Д. И. Эдельман. Бурушаски язык // Языки мира. Палео-азиатские языки. М.: Индрик, 1997. С. 204–220.
- Corbett 1991 — G. Corbett. Gender. Cambridge University Press, 1991.
- Werner 1994 — H. Werner. Das Klassensystem in den Jenissej-Sprachen. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1994.